

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

доктор философских наук,
профессор института философии
Санкт-Петербургского государственного университета,
ведущий научный сотрудник лаборатории
критической теории культуры Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

«Как академик он должен быть примером всем»: исследования В.И. Ламанского о М.В. Ломоносове

УДК: 929:001

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-46-67

В статье рассматриваются исследования слависта Владимира Ивановича Ламанского, посвященные биографии Михаила Васильевича Ломоносова. Отмечается, что работы Ламанского о Ломоносове были, прежде всего, приурочены к юбилеям ученого (1861, 1865, 1911). Всего он опубликовал три монографических исследования о Ломоносове, включающие большой объем редких архивных документов. Работы Ламанского о Ломоносове были главной частью его историко-научных изысканий и исследований по истории русского XVIII в. Подход Ламанского интересен тем, что он во многом создает тот миф о Ломоносове как о национальном культурном герое, творящем наравне с первым русским императором Петром I новую Россию, который до сих пор определяет восприятие русского ученого. Указывается, что современники и последующая историография в первую очередь обращали внимание на критику Ламанским немецкого засилья в Академии наук. Работы о Ломоносове были фрагментом борьбы за русификацию отечественной науки, в частности, Академии наук в Петербурге. Однако критика «немецкого элемента» в Академии наук для самого Ламанского была лишь частью его цивилизационной концепции о противостоянии двух миров: греко-славянского и германо-романского. Исходной посылкой интерпретации Ламанским Ломоносова было славянофильское разделение Земли (общества) и Государства, в котором русский ученый выступал как раз представителем общества, его творческого потенциала, был примером национального гения. Исследования Ламанского о Ломоносове оказались заслонены более поздними обстоятельными работами, но они, особенно их архивный отдел, не утратили своей научной ценности до сих пор.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, В.И. Ламанский, славянофильство, Академия наук, греко-славянский мир, романо-германский мир, русификация науки.

Благодарность

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Замечательно, как на жизни Ломоносова отражается судьба России.

В.И. Ламанский «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк» (1863)

Крупнейший отечественный славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), основатель научной школы, преобладавшей в российских университетах на рубеже XIX–XX вв., свою исследовательскую деятельность начинал как историк Академии наук. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. он опубликовал, согласно библиографии ученого, составленной М.П. Драгановым в 1905 г., около полусотни исследований и архивных документов по русской истории XVIII в. К сожалению, эта сторона творчества Ламанского мало привлекала внимание. Часть сочинений Ламанского, относящихся к XVIII в. и истории Академии наук, была посвящена М.В. Ломоносову. Можно даже сказать, что они обладали явным приоритетом для самого ученого. Дополнительным стимулом обратиться к биографии М.В. Ломоносова стали два юбилея, 1861 и 1865 гг. Как пишут современные исследователи: «В связи с Ломоносовским юбилеем 1865 г. формируется идея иностранного засилья в Академии наук, и на первый план выходит проблематика русификации Академии наук в XVIII в. В этом контексте особо выделяется деятельность В.И. Ламанского, который не только критиковал Академию наук за ее, как ему казалось, преимущественно иностранный характер, но также построил свои собственные исследования на идее иностранного, по преимуществу немецкого, засилья в академической науке XVIII в. Таким образом, на первый план вышла национальная проблематика в истории Петербургской академии наук и роли в ней иностранцев. В связи с этим особый акцент делался на исследованиях биографии М.В. Ломоносова, который зачастую представлялся борцом против иностранцев, всеми силами стремившихся, как полагал Ламанский, помешать становлению русской национальной научной традиции» [Куприянов, Смагина, 2021, с. 164–165]. Непосредственно интерпретации Ламанским фигуры и деятельности Ломоносова была посвящена статья В.А. Куприянова «Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского» [Куприянов, 2018], в которой справедливо утверждалось, что «ломоносоведение следует признать основной частью историко-научного наследия В.И. Ламанского» [Там же, с. 225]. Однако ряд фактов и оценок, приведенных в статье, требует дополнения, уточнения и корректировки. Вклад Ламанского в историографию Академии наук еще предстоит по достоинству оценить.

В 1854 г. Ламанский окончил Санкт-Петербургский университет с серебряной медалью, хотя рассчитывал получить золотую. Он не стал забирать медаль и, несмотря на намерение продолжить научные занятия, по настоянию отца поступил на службу. Работа в Публичной библиотеке и Государственном архиве позволила ему

собрать материалы для первых самостоятельных исследований. В 1860 г. он делился своими открытиями с неустановленным адресатом:

История Академии составляет очень любопытную главу в истории нашей образованности. Между тем писавшие о ней немецкие академики представляли ее всегда в своих личных интересах, едва ли когда сходных с интересами страны, в которую призвало их ее правительство. Ломоносов, как открывают мне по счастью еще уцелевшие документы, во время всего своего служения в Академии, был главнейше за то, чтобы «видеть Российскую Академию из сынов российских состоящую». Для сего он старался энергически основать, по примеру Московского, университет и в Петербурге, кончивших курс молодых людей отправлять за границу и потом делать их академиками и профессорами университета. Какие происки и интриги употребляли против него немцы, видно из найденного мною одного его сочинения, которое по справедливости должно быть названо его автобиографией. Оно писано незадолго до смерти. Умер в 1765 г., а в 1766 г. немцам удалось выхлопотать указ о закрытии при Академии университета.

Если Вы пожелаете, я с величайшим удовольствием сообщу Вам для прочтения и эту автобиографию и другие бумаги о Ломоносове. Лицо истинно колоссальное и все позднейшие наши писатели, как лица и характеры, являются перед ним юношами несовершеннолетними и учениками¹.

В конце жизни Ламанский снова хотел вернуться к исследованиям о Ломоносове, пытался продолжить работу над его биографией. В 1911 г. он писал А.А. Шахматову: «В последние две-три недели я прихварывал и, думая о своих годах и приближающейся смерти, стал перебирать свои старые бумаги. По выходе из университета до приготовления моей магистерской диссертации я стал заниматься Ломоносовым, его биографией и его литературной деятельностью. Две статьи были напечатаны в Отеч<ественных> Зап<исках> (1863 г.). <...> Университетская служба (30 лет) отвлекла меня от Ломоносова»². После смерти академика М.И. Сухомлинова по поручению Академии наук Ламанский взял на себя работу по продолжению издания собрания сочинений Ломоносова и выступил одним из главных зачинщиков ломоносовского юбилея 1911 г. Можно сказать, что исследования о Ломоносове обрамляют научный путь самого Ламанского.

Старческие недуги, к сожалению, не позволили Ламанскому в конце жизни подготовить работу о Ломоносове, поэтому мы можем судить о его восприятии русского ученого только по ранним исследованиям. В первой половине 1860-х гг. он опубликовал три небольших монографии о Ломоносове, включающие и архивные документы: в 1863 г. две статьи в журнале «Отечественные записки» «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк», тогда же вышедшие отдельным изданием; в 1865 г. очерк «Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову» и исследование «Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его». Общий объем этих публикаций составляет более трех сотен страниц.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 2–2 об.

² Там же. Ед. хр. 77. Л. 1.

Юбилей 1861 г.

Биографический очерк о Ломоносове 1863 г. отражает публичные лекции, прочитанные Ламанским в 1861 г., то есть в год 150-летия со дня рождения русского ученого. Готовясь к ним, он писал в конце 1860 г. М.П. Погодину: «С будущей недели я начну готовиться к публичным лекциям о Ломоносове, которые намерен прочесть в ноябре в пользу воскресных школ. На последней лекции я изложу свою мысль о необходимости приготовить, к апрелю 1865 г., полное собрание сочинений Ломоносова с биографией и открыть ему памятник по народной подписке на Васильевском острове, между Академиею и Университетом. Эти лекции, несколько видоизмененные и распространенные, вместе с сборником материалов, я предложу *Беседе*³; не захочет, отдам в другой журнал»⁴. Представленный Ламанским проект памятника Ломоносову и издания собраний сочинений русского ученого были реализованы значительно позже. Важно то, что он был первым, кто публично высказал эти предложения, явно оказавшиеся созвучными как общественным настроениям, так и потребностям русской науки не только того времени, когда жил Ламанский. Письма М.П. Погодину также показывают, что работы Ламанского о Ломоносове являются частью его исследований по истории Академии наук и XVIII в. «Я вам признаюсь откровенно, — писал он, — что считаю своим гражданским долгом напасть на Академию так открыто, как только позволит Цензура. Рядом с работою над Ломоносовым, я занимался Историею Академии вообще, и смело могу сказать, что мой сборник официальных документов из Аннинского, Елисаветинского и Екатерининского времени едва ли имеет себе равного. Я намерен издать его отдельно в будущем году. <...> Вообще теперь редкий день не узнаешь чего-нибудь особенно интересного из Русской Истории XVIII в.»⁵ Здесь же Ламанский обрушивался с критикой на немецкого историка А.Л. Шлецера, служившего в 1760-е гг. в Петербургской Академии наук. «Шлецер представлен мною, как человек, дрянным пролазою — проходимцем, нахалом. Я умею ценить его заслуги, хотя нахожу, что в отношении к Русской Истории они не в меру преувеличены. <...> О характере Шлецера я составил себе такое заключение из изучения и снесения неопровержимых данных, которые приведут к тому же взгляду каждого беспристрастного человека. Я говорю о нем, как он действовал в России. Для меня то и любопытно, что в Германии он был смелым человеком»⁶. Тут же, как бы оправдываясь, Ламанский добавлял: «Не думайте, ради Бога, что я поддаюсь руссопетству»⁷⁸. Действительно, многие слушатели обратили внимание в лекциях прежде всего на упреки немецкой партии в Академии наук. Возможно, Ламанский несколько переусердствовал с этой критикой, невольно отодвинувшей фигуру юбиляра на второй план. Так, А.В. Никитенко

³ Славянофильский журнал «Русская беседа», издававшийся в Москве с 1856 по 1860 г. А.И. Кошелевым.

⁴ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 372.

⁵ Там же. С. 372.

⁶ Там же. С. 373.

⁷ Руссопетство — в контексте письма синоним славянофильства, руссолюбия, крайняя форма патриотизма.

⁸ Барсуков Н. Жизнь и труды... С. 373.

записал в своем дневнике 31 марта 1861 г. «Говорили еще о лекциях Ламанского». Он читает о Ломоносове. Я ожидал от него чего-нибудь нового, дельного. Между тем он главным образом потешается над немцами-академиками и доказывает, что Ломоносов, ссорясь с ними, хорошо делал. Интересна также мысль, что детство и юность Ломоносова прошла в самых благоприятных условиях для развития его гения, потому что живущий на Двине народ очень смышлен, и т. д.»⁹

Обзоры публичных лекций Ламанского были опубликованы в журнале «Отечественные записки» (1861. № 7) и газете «Русский инвалид» (1861. № 78). В «Отечественных записках» обзор лекций был включен в раздел «Русская литература», где среди прочих рецензий и сообщений речь шла о полемике между П.Д. Юркевичем и Н.Г. Чернышевским¹⁰. Примечательно, что лекции Ламанского упоминались в контексте обсуждения вопроса о русификации Академии наук. Аннотация раздела гласила: «Еще один вопрос: что такое наша академия наук? Чего недостает ей? Публичные лекции г. В. Ламанского об академии наук и о Ломоносове. — Деятельность Ломоносова — пример, как должны работать наши академики. — Возражения академика Грота, в пользу академии, и ответ на них. — Результат всего этого»¹¹. Автор обзоров и рецензий, опубликованных в разделе «Русская литература», не указан, но мысли о немецком засилье в Академии наук были очень близки Ламанскому в том числе и по форме, в какой они были высказаны, в частности, в его статье «Академия наук (Императорская, С.-Петербургская)» (1861) для энциклопедического словаря. В истории Академии наук Ламанский выделял отдельный ломоносовский период (1766–1803) [Куприянов, Малинов, 2020, с. 276–277]. Вопрос об Академии наук в обзоре был назван «большим местом нашей литературы», поскольку ученое учреждение игнорирует насущные общественные вопросы, оторвано от потребностей русской жизни. «Вообще, — отмечалось в журнале, — наша академия принадлежит к тем учреждениям, которые по духу своему напоминают XVIII столетие. Тогда у нас была итальянская опера и не было русского театра; у нас были немецкие цехи и корпорации, а промышленности не было: была пудра, кафтаны и белила французские, а в отношениях начальника и подчиненного нравы сохраняли весь букет татарства; тогда же возникла и немецкая академия без русской науки. <...> Она до сих пор имеет вид ученого сочинения, написанного на латинском языке»¹². Членами Академии наук, по мнению рецензента, должны избираться люди, принесшие пользу русской науке, литературе или обществу. Не надо искать академиков за границей, труды которых не имеют отношения к русской науке. Иными словами, «академики должны работать не для якутского языка, не для эстонской народности, а для русского общества и тех вопросов, которые в нем рождаются»¹³. Сейчас же русское общество и Академия наук существуют как два государства, не связан-

⁹ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1955. С. 182.

¹⁰ В 1860 г. экстраординарный профессор Киевской духовной академии П.Д. Юркевич в статье «Из науки о человеческом духе», опубликованной в «Трудах Киевской духовной академии», выступил с критикой статьи Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», опубликованной в журнале «Современник». Н.Г. Чернышевский отвечал на критику в свой адрес статьёй «Полемические красоты». Полемика проходила на страницах журнала «Современник».

¹¹ Русская литература // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXVII. Июль. С. 25.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 27–28.

ные между собой. Они живут разными интересами и разной жизнью. В контексте этой критики Академии наук автор обзора достаточно подробно излагал лекции Ламанского: «К пояснению этого вопроса очень много способствовал нынешнею весною г. В. Ламанский, прочитав четыре лекции о Ломоносове; в них он раскрыл много чудесного, много невообразимого и много такого, что подтвердило прежние бездоказательные мнения большинства публики. Он коснулся истории академии и ему принадлежит первому честь обстоятельного разьяснения вопроса»¹⁴. В качестве несомненного достоинства лекций указывалось на архивные источники, послужившие опорой Ламанскому.

Лектор отмечал «не нормальное и не естественное» состояние, в котором находится Академия наук, не оказывающая влияние на русское просвещение и не служащая русским потребностям: «Труды, совершенные ими (академиками. — *Прим. А.М.*), имеют значение не для русской образованности, собственно, но для европейской вообще и немецкой в особенности. <...> Такой разрыв между русской академией и русским обществом, по мнению г. В. Ламанского, делает необходимым преобразование академии в ближайшем будущем»¹⁵. Обозреватель отмечал обобщающий взгляд лектора на Ломоносова, в деятельности которого он видел борьбу славянской стихии с «немецким элементом». «Академическая деятельность Ломоносова, но выражению г. В. Ламанского, есть один из многих эпизодов вечной борьбы славянского мира против просветительных притязаний немцев и их посягательств на славянскую народность»¹⁶.

В лекциях 1861 г. Ламанский останавливался на попытках Ломоносова открыть в Петербурге «полный» университет, по образцу Московского, который должен был заменить Академический университет. «Г. Ламанский, — отмечалось в обзоре, — сообщивший так много нового в фактической части своих лекций, мало останавливался на тех событиях академической деятельности Ломоносова, которые были уже прежде известны, — например, на участии его в основании московского университета и академии художеств; но зато г. Ламанский подробно рассказал все старания Ломоносова об учреждении университета петербургского. К сожалению, они не увенчались успехом»¹⁷. В работе 1865 г. «Ломоносов и Петербургская академия наук» он приводил записку Ломоносова о необходимости учреждения университета в Петербурге, в которой указывалось, что «при здешней Академии Наук не токмо настоящего Университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия Университетского не видно»¹⁸. Усилия Ломоносова об «инавгурации» университета в столице не увенчались успехом ни при Елизавете Петровне (1742–1743), ни при Екатерине II. «Вскоре по смерти Ломоносова, — пишет Ламанский, — и имевшийся при Академии неполный Университет был закрыт. Эта мера должна была усилить, и действительно усилила и надолго обеспечила, немецкий элемент в Петербургской Академии Наук»¹⁹. Сохранявшийся при Академии наук университет неизбежно со вре-

¹⁴ Там же. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ *Ламанский В.И.* Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его. 1765–1865 года, апреля 4 дня. М.: В универс. тип., 1865. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 110.

менем бы привел к смене немецких академиков и профессоров новым поколением отечественных ученых — воспитанников университета. По этой причине немецкая профессура уже после смерти Ломоносова, по утверждению Ламанского, в 1766 г. добилась его закрытия.

Подводя итог лекциям Ламанского, обозреватель писал: «Характеристику академической деятельности Ломоносова г. Ламанский заключил ее оценкой: по его мнению, отличительной чертой этой деятельности служит чрезвычайно верное понимание потребностей русского народа и его просвещения и высокая гражданская доблесть, с которой Ломоносов стоял за свою идею»²⁰. В последней, четвертой лекции давался экскурс деятельности Ломоносова как естествоиспытателя, поэта, филолога, историка и политического писателя. «Это разнообразие трудов Ломоносова ставилось ему в укор», — было отмечено в обзоре²¹. В то же время «г. Ламанский, вопреки Пушкину, утверждает, что Ломоносов далеко не был лишен дарования, и что если он шел по дороге подражания, то это вина времени, а не его личная»²². Финальная формулировка обзора, заключающая основную мысль Ламанского, была передана следующим образом: «Ломоносову не оставалась чужда ни одна почти сфера человеческой мысли, и всюду является он как деятель вполне самостоятельный, отвечающий на все потребности русского просвещения. Такие заслуги делают его человеком вполне народным. Как академик он должен быть примером всем»²³.

В лекциях 1861 г. Ламанский предлагал поставить в Петербурге памятник Ломоносову, а в 1865 г., то есть в год 100-летия со дня смерти Ломоносова, уточнял, что памятник следует установить к 50-летию Санкт-Петербургского университета (1869) на набережной, между зданиями университета и Академии наук²⁴.

После обзора лекций Ламанского в журнале приводился ответ Я.К. Грота, опубликованный в «Русском вестнике» (1861. № 4), на обвинения Академии наук в засилье немецких ученых, оторванности исследований от нужд русского общества, в принадлежности Петербургской академии наук скорее немецкой, чем русской науке, и т. п. Пересказ статьи Я.К. Грота автор обзора сопровождал ироничными замечаниями и едкими комментариями. Отвечая на нападки (не только В.И. Ламанского, но и других корреспондентов), Я.К. Грот призывал учитывать и оценивать не только деятельность Академии наук, но и те условия, в которые она была поставлена. Многие ее недостатки следует считать пороками времени, а не академической институции. Блюментросты и Шумахеры, полагал он, в настоящем и будущем уже невозможны. Мнение о том, что труды академиков не приносят пользы государству и русскому обществу, проистекают от узкого понимания «блага народа». Академия наук своими исследованиями тоже работает на «благо народа», хотя на первый взгляд польза от ее деятельности может казаться не столь очевидной. «Воскресные школы, — риторически вопрошал академик, — превосходное учреждение; но что было бы, если вдруг все учебные заведения, от приходского училища до университета, обратились

²⁰ Русская литература. С. 33.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 34.

²³ Там же.

²⁴ *Ламанский В.И.* Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апр. 1865. СПб.: В тип. Куколь-Яснопольского, 1865. С. 15.

в воскресные школы»²⁵. Я.К. Грот полагает, что АН «честно, по крайнему разумению сколько позволяют обстоятельства, исполняет свое дело»²⁶. Отвечая на обвинения в преобладании иностранных ученых, он писал: «Постепенное уменьшение числа иностранных ученых в академии будет в связи с успехами самого нашего общества: стоит только русским усилить свою ученую деятельность, и всякий раз, *когда будут налицо замечательные представители науки с громким русским именем*, едва ли академия позволит себе, наперекор общественному мнению, предпочтительно избирать сочленов между иностранцами»²⁷. В свою очередь Я.К. Грот упрекал Ламанского в том, что тот стоит на исторической точке зрения и «смешивает настоящее с прошедшим», то есть проецирует ситуацию XVIII в. на современное положение Академии наук.

Действительно, Ламанский, увлеченный исследованиями о русском XVIII в., не проводил строгой границы между современностью и прошлым для него веком. Однако он не смешивал времена, а, скорее, обозревал их при помощи другой оптики, полагая, что они принадлежат одному историческому времени, одному периоду русской истории — петербургскому. С историософской точки зрения Россия в первой половине XIX в. пребывала в той же исторической эпохе, что и столетием ранее. Меняются лица, появляются новые факты, но смысл событий остается тем же самым. Для славянофилов, в том числе и для Ламанского, смысловое постижение истории было предпочтительнее фактологического изучения. Петербургский период русской истории Ламанский спешит объявить завершившимся. В деятельности Ломоносова уже видны зачатки новой эпохи. «Этот период русской народной жизни, — отмечалось в обзоре, — отличительными чертами которого служат оторванность высшего, шляхетского класса от массы народной, равнодушие к народным нуждам, отсутствие оригинальности в идеях, господство чужих взглядов и теорий, выработанных чужими опытами, должно назвать петербургским. Теперь он кончился. Сухая идея этого периода сменилась живою идеею народности, и возвышая права последней, должно признать, что первым и лучшим защитником ее в петербургском периоде был Ломоносов»²⁸. Для Ламанского выразителями этой новой идеи в полной мере стали славянофилы. Смена периодов указывала на своеобразную цикличность исторического процесса, следующего логике живого организма. Для Ламанского, как и для большинства славянофилов, в целом была характерна органическая метафорика [Смирнов, 2023].

Ламанский не преувеличивал значение Ломоносова; он лишь полагал, что русский ученый своими трудами приближал новый период, а не сознательно стремился к нему. Во всем остальном Ломоносов был сыном своей эпохи; его не возмущали жестокость и принудительный характер петровских реформ. По словам лектора, «Ломоносов образовал литературный язык, положил начало русской словесности и науки, создал в России новую общественную силу. Честно служа своему призванию, Ломоносов решительно, однако, не сознавал неправды петровской реформы»²⁹. Сам народ был внутренне готов к насильственному перевороту, между народом и

²⁵ Русская литература. С. 36.

²⁶ Там же. С. 38.

²⁷ Там же. С. 38–39.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб.: В тип. А.А. Краевского, [1863]. С. 19.

властью существовало «некоторое тайное согласие» на такую реформу. Ламанский фиксировал двойственность Ломоносова: придворный поэт, академический чиновник, ученый, русский человек в быту. Раздвоенность надо признать признаком всей эпохи. «Двойственность Ломоносова, — отмечал он, — отнюдь не проистекала из двуличности и подлости характера, а была необходимым последствием того положения, в которое в XVIII веке встал русский народ в отношении к Западу. Как общественный организм, он был выше народов романских, германских и старой Византии <...> Но в XVIII веке Запад вступал в новый, высший период своего развития. Он был украшен дивами искусства, чудесами науки и промышленности, а носитель высших, но неразвитых начал — славяно-русский мир был представляем крестьянскими общинами, по большей части переходившими, если не перешедшими, в рабство, курными избами, безграмотными мужиками. Просветительное начало западного мира в то время далеко не исчерпывало своего содержания и следовательно еще не успело обличить своей односторонности и несостоятельности как начала центрального»³⁰. «Тем не менее и Ломоносов, вместе с ее правдою, с ее наукою, принял и всю ложь и ветошь западной образованности»³¹.

Важной стороной образа Ломоносова, воссоздаваемого Ламанским, было указание на его крестьянское происхождение, на исходную укорененность в народной жизни, определявшую созидательную силу его личности. В лекциях о Ломоносове 1861 г. отмечалось, что «жизненность его идей много зависела от того, что он вышел из крестьянства. Более внимательное изучение первых годов жизни Ломоносова привело г. В. Ламанского к заключению, что юность знаменитого помора протекла среди обстановки, которая имела сильное и благотворное влияние на все последующее его развитие»³². Ламанский почти в художественных выражениях описывал суровую северную природу, среди которой вырос Ломоносов и которая пробудила в нем поэтическое чувство. «Там — в его плаваниях по Белому морю и Северному океану — сложился в Ломоносове этот живой, врожденный поморам поэтический взгляд на природу, а изучение Василия Великого расширило и изошрило этот взгляд»³³. В опубликованном варианте лекций он подчеркивал: «В том, что Ломоносов происходил из крестьян, нет ничего странного и удивительного. Напротив, было бы в высшей степени удивительно и странно, было бы совершенным чудом, если бы такая гениальная личность могла явиться в XVIII веке из нашего служилого или духовного сословия»³⁴. Он отмечал влияние народной, в том числе деревенской, жизни на формирование Ломоносова, на круг его общения, который составляли рыбаки, торговцы, раскольники, на вдохновляющее воздействие церковно-славянского языка и церковных песнопений. «Они, — писал Ламанский, — развили в нем глубокое искреннее благочестие, чистый взгляд на веру и на ее отношения к наукообразному, отвлеченному знанию, словом, воспитали в нем православного человека, определили его философские убеждения и вливали в его поэзию ту чисто православную струю, которая отличает нашу поэзию от всех европейских, от Ломоносова до Языкова, Хомякова и А. Толстого включительно»³⁵.

³⁰ Там же. С. 59.

³¹ Там же. С. 59.

³² Русская литература. С. 31.

³³ Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 62.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Там же. С. 37.

В простонародном происхождении Ломоносова Ламанский видел не случай, а глубокий исторический смысл, пролог нового исторического периода, который еще только заступает на смену эпохе ученичества и подражания. «Крестьянство, высланное от себя Ломоносова, — замечал петербургский славянофил, — ссудило высшие сословия одною из своих сил и сомкнуло свои ряды. Ломоносов положил твердое начало русской литературе и науке, стал начальником нового периода русской образованности, в конце которого общество, по крайности в передовых своих деятелях, пришло к сознанию необходимости тесного сближения с крестьянством, с народом, который, ограничившись одним Ломоносовым, правда остался в совершенном отчуждении от литературы и науки, но зато избавил себя, детей своих от позорного отступничества»³⁶. Петербургский период русской истории — пора торжествующего западничества, эпоха некритичных заимствований и жизни чужим умом. Ломоносов неотделим от русского западничества, но его происхождение, его почвенное чутье, сам масштаб его личности не позволяли ему замкнуться в фальшивом мире столичного европеизма. По выражению Ламанского, Ломоносов «был первым и почти единственным, после Петра, колоссальным лицом нашей истории»³⁷. «Ломоносов же, — продолжал он, — был одним из замечательнейших представителей не только русского народа, но и вообще славянского племени, великим подвижником русского, народного просвещения, всю почти свою жизнь борющимся с немцами»³⁸. Поступив в 1741 г. на службу в Академию наук, Ломоносов действительно увлекся «антинемецкими умонастроениями» [Илизаров, 2021, с. 349], однако не это определило его значение для русской науки и культуры. Для Ламанского он был провозвестником нового сознания, выразителями которого стали славянофилы.

Ламанский, по собственному свидетельству, намеревался опубликовать лекции в славянофильском журнале «Русская беседа». Однако закрытие журнала в 1860 г. вынудило его изменить планы. Он не сразу решился на публикацию материалов, на основе которых были составлены его лекции. Они вышли в журнале «Отечественные записки» в 1863 г. (№ 1–2), а вскоре и отдельным изданием (на отдельном издании не указан год выпуска). В мае 1862 г. он уехал в длительнуюграничную командировку, то есть лекции увидели свет, когда Ламанского не было в России, соответственно, написанный текст был еще до отъезда. Подзаголовок «Первые четыре главы» оставлял надежду на продолжение, которого не последовало. Почему Ламанский решился на публикацию незавершенного текста? Одной из наиболее вероятных причин издания неоконченной работы мог быть гонорар, поскольку средства Ламанского за границей были крайне ограничены.

Для славянофилов фигура Ломоносова обладала особой притягательной силой, поскольку олицетворяла славянофильские представления о народе и государстве, о необходимости самостоятельного развития после неизбежного завершения поры обучения, о реформе Петра I и ее последствиях и т. д. Образ русского ученого привлекал братьев Аксаковых [Греков, 2011]. К.С. Аксаков посвятил Ломоносову свою магистерскую диссертацию, подвергнушуюся цензурным ограничениям. «К.С. Аксаков, — отмечалось в обзоре лекций Ламанского, — наиболее приблизился к правде, сказав, что в духе Ломоносова должно развиваться все последующее просвещение

³⁶ Там же. С. 54.

³⁷ Там же. С. 5.

³⁸ Там же. С. 8.

русского народа»³⁹. Вероятно, и Ламанский мог последовать по его стопам, однако в качестве диссертации защитил сочинение «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которое стало первым историческим исследованием, в полном смысле написанным со славянофильских позиций. Так, по крайней мере, его воспринимали современники. В интерпретации Ломоносова Ламанский опирался на аксаковское разделение Земли и Государства, вошедшее в историософскую аксиоматику славянофильства. Ломоносов в этом отношении представлялся олицетворением зиждательных сил Земли (земства), творческой мощи народной стихии, оберегать и поддерживать которую призвано Государство.

Ламанский сознавал, что публикация его лекций является только первым шагом к составлению жизнеописания Ломоносова, поэтому предлагал смотреть на свой очерк «как на подробный конспект, имеющий быть полной биографией Ломоносова, излагающей его жизнь и деятельность в связи с развитием современного ему общества»⁴⁰. Он не идеализировал Ломоносова, признавая и за ним грехи его века. Ломоносов «своею государственною поэзиею, своими казенными и официальными одами давал ложное направление русскому просвещению и силою своего дарования узаконивал и как бы освещал разрыв, образовавшийся у нас между народом и его передовыми классами. Многие его предложения относительно академии и вообще просвещения не были исполнены именно потому, что он проводил их путем официальным, часто являясь чиновником там, где ему следовало бы оставаться свободным общественным деятелем. В теории — смелый поборник свободы мысли и слова, в жизни — он требует цензуры, постоянной опеки государства над обществом. В свою чисто общественную, нравственную борьбу он часто приносил характер официальный, принудительный и насильственный и тем самым подкапывал свое великое дело»⁴¹. В том же Ламанский упрекал и Петра I, который действовал в общественной жизни принудительными мерами государства. К.С. Аксаков указывал, что в XVIII в. в России произошел «общественный разрыв», государство отделилось от народа и образовалось «иго Государства над Землей». Ламанский фиксирует тот же разрыв уже в деятельности Ломоносова, что позволяет исследователю вернуться к славянофильским требованиям свободы слова и гармонизации отношений между обществом и государством.

Пример Ломоносова показывает, насколько ложное политическое и культурное направление способно исказить творчество даже такой масштабной личности, насколько западничество не соответствует жизненным интересам народа и государственным потребностям страны. В настоящее время, полагает Ламанский, выступило резкое несогласие западного начала с теми основами, на которых исторически строилась русская жизнь. Ломоносов относился к Западу не критически; как ученый он сформировался в лоне германской науки, был прямым учеником Х. Вольфа. Отъезд в Германию на учебу спас его от возможных репрессий в бирюзовщину и, с другой стороны, избавил от ненависти к немецкой народности. «Ломоносов хорошо узнал Германию, полюбил немцев, научился ценить и уважать их достоинства», — признавал Ламанский⁴², что «помогло ему достичь этой свободы

³⁹ Русская литература. С. 30.

⁴⁰ Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 2.

⁴¹ Там же. С. 19–20.

⁴² Там же. С. 94.

воззрения на немцев»⁴³. В Германии же Ломоносов воспринял и принял практику полицейского государства, которую в России насаждал первый русский император. «Вообще, — замечал Ламанский, — он до конца жизни своей не сознавал гибельных последствий господствовавшего тогда в Германии вмешательства государства в домашний и общественный быт народа»⁴⁴. Либеральный социальный идеал славянофилов, обособляющий от взаимного вмешательства народ и государство, противоречил идеологии и практике полицейского государства. Реальные биографические факты, которые приводил Ламанский, плохо согласовывались с его интерпретацией Ломоносова как борца с «немецким элементом» в Академии наук, как символа векового противостояния славянской и германской народных стихий. «Болезнь европейничанья», по выражению Н.Я. Данилевского, поразила русское общество. «Наше образованное общество, мы все, подобно Ломоносову, — каялся Ламанский, — были увлечены под чужие знамена и долго сидели у немцев в умственном заточении. Будем твердо надеяться, что свежие народные силы выведут нас наконец из этой духовной неволи на свет божий, на вольный простор, на родные, славянские нивы»⁴⁵. Все же пример Ломоносова свидетельствовал о возможности изжить подражательное ученичество и выйти на путь самостоятельного развития, о котором радели славянофилы. Впрочем, сами славянофилы сильно зависели от германских авторитетов, как в философии, так и в своем учении о языке (см.: [Безлепкин, 2023]).

В школе Х. Вольфа Ломоносов воспринял ту методологию научного познания, применение которой позволило ему выдвинуться в первый ряд отечественных ученых. Неуживчивый и беспокойный характер Михаила Васильевича, столь досаждавший его окружению, был оборотной стороной трепетного напряжения, сопровождающего научный поиск. «Наконец, по самой природе своей Ломоносов, — уточнял Ламанский, — не был склонен к критической философии, сосредоточивающей все свое внимание на духе человека. Его взгляд был всегда обращен на явления внешней природы; его стройный, зиждательный ум был постоянно занят открытием общих законов, придумыванием новых средств в облегчение новых открытий; его живая, открытая душа стремилась передавать знания, распространять их людям»⁴⁶. Метафизическое естествознание, навязанное Ломоносову вольфианством, имело свои пределы в деле познания. Ламанский полагал, что заслуга Ломоносова как естествоиспытателя состояла в их преодолении. «Так, первые его ученые сочинения писаны еще в манере Вольфа, но в позднейших трудах своих он совершенно освободился от этого искусственного метода и в своих общефилософских началах близко впоследствии подошел к мыслителям английским. Совершенно независимо от Канта Ломоносов, и с ним русская образованность, прошли тот же период развития, который совершился в отце критической философии, когда он перешел из учеников Вольфа в последователи Локка»⁴⁷. Ломоносов перерос Х. Вольфа, а вместе с ним и русская наука вошла во взрослую жизнь, стала вровень со своими европейскими учителями. В Ломоносове не только сочетались, но и в известном смысле боролись поэт и ученый-естествоиспытатель. По словам Ламанского, «Ломоносов,

⁴³ Там же. С. 95.

⁴⁴ Там же. С. 65.

⁴⁵ Там же. С. 102.

⁴⁶ Там же. С. 60.

⁴⁷ Там же. С. 97.

действительно, не обладал большими математическими способностями, которые вообще несоединимы в одном лице с дарованием художественным, ибо они взаимно себя исключают: поэт постигает явления мира внешнего и внутреннего в образах, а сила ума математического состоит в мышлении чистом, строго отвлеченном и формальном»⁴⁸.

Лекции Ламанского трудно назвать даже «биографическим очерком», как он сам их обозначал. Это, скорее, историософия судьбы Ломоносова. Его исследование намеренно перегружено цитатами из произведений русского ученого, и сделано это, вероятно, с целью дать почувствовать специфику его подхода и форму выражения его мысли. Этому же служат и приложения, включающие впервые обнаруженные архивные документы. Две цитаты красноречиво характеризуют угол зрения Ламанского на Ломоносова, его принцип или даже символ жизни. «Вообще, — уточнял он, — в Ломоносове в высшей степени замечательно удивительное сочетание этого сурового и вместе с тем светлого взгляда на жизнь, любви к веселью и радости. К пиру жизни, с постоянною готовностью к тяжким лишениям, подвигам и борьбе»⁴⁹. «Беззлобная роскошь и славная упряжка были существенными, основными движителями в жизни Ломоносова», — заключал Ламанский⁵⁰.

Юбилей 1865 г.

В 1865 г. отмечалось 100-летие со дня смерти Ломоносова. Ламанский принял деятельное участие в юбилее, вошел в состав Ломоносовского комитета в качестве его секретаря, членами которого также были Г.А. Щербатов, П.В. Анненков, М.О. Коялович, А.А. Краевский, В.М. Лазаревский, А.Н. Майков, П.П. Семенов, А.И. Ходнев, А.Д. Галахов, А.Н. Ивашинцов. В этом году вышли и важнейшие работы Ламанского о Ломоносове: «Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову» и «Ломоносов и Петербургская академия наук». Если 150-летие русского ученого в 1861 г. отмечалось скромно, то 100-летие со дня смерти, вероятно, стало одним из самых значительных чествований Ломоносова, во многом заложив стереотипы его восприятия и оценки его творчества. Ламанский сыграл не последнюю роль в формировании образа Ломоносова как национального культурного героя.

13 марта 1865 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: «В городе приготавливаются тоже оваии, в чем деятельно участвует <В.И.> Л<аманский>. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из оваии Ломоносову выйдет демонстрация против немцев. На днях был у меня Л<аманский> и много толковал о Ломоносове, о славянах и немцах»⁵¹. А на следующий день он отметил визит А.Н. Майкова: «Был у меня А.Н. Майков и читал мне свои стихи, написанные для прочтения на обеде в честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены против немцев. Тут видно влияние Л<аманско-го>»⁵². Критика Ламанским немецкого засилья в Академии наук и борьба с ним Ло-

⁴⁸ Там же. С. 96.

⁴⁹ Там же. С. 64.

⁵⁰ Там же. С. 65.

⁵¹ Никитенко А.В. Дневник. С. 502.

⁵² Там же. С. 503.

моносова были известны по его лекциям 1861 г. Однако А.В. Никитенко напрасно ждал со стороны молодого приват-доцента демонстрации против немцев. 7 апреля 1865 г. Ламанский в своем выступлении на обеде, посвященном юбилею Ломоносова, в зале Дворянского собрания признавал, «что русская мысль чужда узкой национальной исключительности, что под русским народным знаменем возможна согласная умственная деятельность разных народностей. Наша признательная память об этих немцах-академиках служит порукою, что глубокая благодарность России ожидает всех иностранцев, бескорыстно трудящихся в пользу ее просвещения»⁵³. В своих последующих работах, особенно в докторской диссертации, Ламанский неоднократно обращался к немецкой науке и публицистике, критически оценивая восприятие ими славянства (см.: [Малинов, 2022]).

Можно предположить, что Ламанский не случайно обращался к А.В. Никитенко накануне ломоносовских торжеств, так же как он недаром писал М.П. Погодину, готовясь к лекциям 1861 г. В судьбе А.В. Никитенко и М.П. Погодина он мог видеть переключку с биографией Ломоносова, поскольку они оба были не только академиками по историко-филологическому отделению, но и происходили из крестьянского сословия. Предки самого Ламанского происходили из сельского духовенства и жили совершенно по-крестьянски. Его отец в детстве вместе со старшим братом пешком ушел из д. Ламаниха Вологодской губернии в Петербург, где сделал карьеру в Министерстве финансов. Недаром Ламанский напоминал о простонародном происхождении Ломоносова: «Нашему крестьянству, простому русскому люду, следует объяснить, что русская литература в своих начатках и лучших явлениях не есть произведение чисто-господской деятельности, что, напротив, он с гордостью может указывать на величайшего поныне деятеля русской литературы — крестьянина Ломоносова. Крестьянское происхождение и первоначальное воспитание Ломоносова, имевшее огромное влияние на всю его деятельность, всего резче опровергает неверные большею частью иностранные суждения о русской литературе и образованности, будто бы возникшей решительно без всякого участия русского народа и только искусственно и насильственно пересаженной к нам немцами»⁵⁴. Мысль о мужицком происхождении Ломоносова подхватил И.С. Аксаков в юбилейных статьях в газете «День»⁵⁵.

⁵³ Мельников П.И. Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. С. 21–22.

⁵⁴ Ламанский В.И. Столетняя память... С. 16.

⁵⁵ «Память холмогорского мужика, память простого рыбака с Северного Поморья, который первый внес светоч русского народного гения в мир вселенской науки, который первый явился в нем самостоятельным русским деятелем. Это тот гениальный мужик, которого колоссальная фигура до сих пор стоит почти одинокою в истории нашего просвещения, который воплотил в своем лице “народность” в сфере общечеловеческой и представил нам чудный образец свободного самобытного отношения народного духа к величавому сокровищу древней и позднейшей западноевропейской цивилизации. Мы не без намерения напомним на слове: мужик, потому что это-то и знаменательно. Ломоносов — самый чистокровный представитель русского народа по своему происхождению: страна, откуда он вышел, Беломорское Поморье, была во время оно заселена новгородскими колонистами, и мы вправе назвать Ломоносова потомком новгородцев. Ломоносов же является и чистым, без посторонней примеси, представителем духовной стихии русского народа. До 16-летнего возраста его воспита-

Конечно, в публикациях 1865 г. Ламанский не мог обойти роль Ломоносова в борьбе за русификацию Академии наук, которая вновь обострилась в пору юбилея. «Для ее (Академии наук. — *Прим. А.М.*) поправления, для блага России, — писал Ламанский о Ломоносове, — он считал прежде всего необходимым удалить из Академии Шумахера, главнейшего виновника всех зол, предпринять издание на русском языке и открыть при Академии Университет»⁵⁶. Однако основной акцент в интерпретации Ломоносова был сделан на его достижениях. По словам Ламанского, Ломоносов — «отец русского письменного, поэтического и прозаического языка, родоначальник и образователь русской литературы, великий подвижник русского просвещения, бесспорно гениальнейший и заслуженнейший русский человек после Петра Великого»⁵⁷. Сравнение с Петром I выглядит особенно примечательно, поскольку славянофилы, к которым относил себя Ламанский, в целом отрицательно оценивали деятельность первого русского императора. Ламанский подчеркивает здесь масштаб фигуры Ломоносова как творца русской науки, сопоставимой с демиургом новой России — Петром I. В Ломоносове он видит воплощение того идеала национальной интеллигенции, о котором грезил славянофилам; деятельность Ломоносова служит примером плодотворности самостоятельного мышления, в поисках истины не оглядывающегося на заграничные авторитеты. «Отличительная черта общего направления деятельности Ломоносова состоит в том, что во всех своих трудах и выводах великий русский ученый и писатель является исследователем и мыслителем самостоятельным, в двойной своей деятельности филолога и естествоиспытателя всегда опирается на прямое изучение источников, на собственные опыты и наблюдения»⁵⁸. В интерпретации Ламанского Ломоносов вырастает до символа Земли (общества) в противовес Государству. Как риторическое заклинание звучат его слова об аристократии духа, которой держится русская земля: «Да распространяется повсюду в России, да проникает во все слои общества, да укореняется в них то убеждение, что, сверх знати родовой и чиновной, есть знать талантов и гениев, что она-то и есть настоящее украшение, истинная гордость и слава народов, — что есть у них, у всех чудная, могучая сила, что посмеяется самому гордому, земному величию, сила чисто духовная и часто тем сильнейшая, чем она слабее и ничтожнее официально, сила творческая и зиждущая, сила мысли и слова»⁵⁹.

С Ломоносова началось «приготовление народной и общественной почвы» для самобытного развития русского народа и отечественной науки. Ламанский стал одним из главных творцов той «ломоносовской легенды», о которой писал П.Н. Берков [*Берков, 1946*]. Правда, эту легенду нельзя назвать реакционной; она до сих пор

телем была русская северная природа, русский крестьянский быт и церковнославянские духовные книги, а затем Славяно-греко-латинская академия, учрежденная еще допетровской Русью. В нем, в Ломоносове, выразилась духовная жажда самого русского народа, сказалась потребность самого русского народного элемента выйти из тесной сферы исключительно национального развития, приобщиться общечеловеческого просвещения и выступить на путь всемирно-исторической духовной деятельности» (*Аксаков И.С.* По случаю юбилея Ломоносова // День. 1865. 17 апреля. № 16. С. 361).

⁵⁶ Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская академия наук. С. 1.

⁵⁷ Ламанский В.И. Столетняя память... С. 12–13.

⁵⁸ Там же. С. 17–18.

⁵⁹ Там же. С. 42–43.

во многом задает восприятие Ломоносова. «Интерпретация Ламанского, — пишет В.А. Куприянов, — выделяется не только ярким романтизмом, но также и своей актуальностью для современной истории науки, поскольку в своих основных чертах она оказывается созвучной также и современному подходу к пониманию исторической роли Ломоносова» [Куприянов, 2018, с. 224]. Ламанский рисует образ культурного героя, создающего космос из хаоса, историю из небытия. «Из всех же русских исторических личностей, по личному характеру, Ломоносов всего ближе и сроднее с Прокофьем Ляпуновым. Как деятель просвещения, он принадлежит к великим и гениальным умам, открывающим в истории народов новые эпохи. В нашей истории он является таким же *начальником* новой образованности, каким во Франции был *Декарт*, в Англии *Бекон*, в Германии *Лейбниц*», — заключал Ламанский⁶⁰. Не мог он пройти и мимо области своих профессиональных интересов — славяноведения. Ломоносов, несмотря на разносторонность своих талантов, не оставил трудов по этой части. В качестве научной дисциплины становление славистики приходится на вторую четверть XIX в., и Ламанский принадлежал еще только ко второму поколению отечественных славистов. Тем не менее в исследованиях о Ломоносове он видел частный случай изучения научных и культурных достижений славян, то есть часть славянской истории, которая к тому времени еще не выделилась из славянской филологии. «Мысль о значении Ломоносова и всех позднейших русских деятелей в истории наук и общечеловеческого просвещения, — писал он, — приведет нас к дальнейшим разысканиям о трудах и заслугах славян вообще»⁶¹.

Взгляд Ламанского на Ломоносова в 1865 г. отличался большей практичностью, сравнительно с его лекциями 1861 г. Современники и последующие исследователи почти не обратили внимание на предложенный Ламанским проект «Ломоносовский капитал», который по всей справедливости следует признать прообразом современных научных фондов [Куприянов 2018, с. 228]. «Главная цель и прямое назначение Ломоносовского капитала, — обозначал Ламанский, — укрепить и усилить поныне слабый в русской литературе дух пытливости и самостоятельности. Пробавляться нам компиляциями и переводами несообразно с достоинством и призванием русского народа, который по своему происхождению, по своим дарованиям и судьбам принадлежит к народам всемирно-историческим»⁶². Ломоносовский капитал должен был перевести славянофильский идеал самостоятельной русской науки и самобытной философии из области журнальных деклараций и кружковых обсуждений на прагматическую почву общественной инициативы. Задача Ломоносовского капитала — обеспечить развитие отечественной науки, направить ее на удовлетворение нужд русского общества. Не случайно с этой целью Ламанский обращается не к государству, а к обществу. Казенная наука представлена Петербургской Академией, значительная часть исследований которой оторвана от жизни. Для Ломоносовского капитала Ламанский предлагал собирать средства по подписке: «Следовало бы кажется открыть в России общую подписку для составления *Ломоносовского капитала* с тем, чтобы не проценты его, а самый капитал употребить на русскую литературу по тем ее отраслям, которые наиболее теперь нуждаются в денежных пособиях и поощрение которым наиболее бы соответствовало намерениям и направлению

⁶⁰ Там же. С. 60.

⁶¹ Там же. С. 61.

⁶² Там же. С. 25.

Ломоносова»⁶³. Средства Ломоносовского капитала должны пойти на поддержку исследований в области естествознания (преимущественно, химии, физики и земледелия) и филологии (преимущественно, древне-классической), а также на командировки молодых ученых в Турцию, Грецию и Италию⁶⁴. «Известная сумма, разумно затраченная в течение 12–15 лет, — полагал Ламанский, — могла бы оказать огромную пользу русской литературе. <...> Несколько же десятков тысяч рублей было бы достаточно для поднятия русской литературы на высшую степень развития. Не средств, а доброй воли, крепкого общественного духа недостает нам, русским!»⁶⁵ Приходится только сожалеть, что проект Ламанского не только не был реализован, но даже не вызвал общественного обсуждения. Критика Академии наук за ее антинародный характер, проект Ломоносовского капитала и создания альтернативной сети научных обществ вытекали из славянофильских убеждений Ламанского. Как пишет В.А. Куприянов, «его историко-научные исследования имеют конечной целью практическое реформирование российских научных организаций. Соответственно, глубинным мотивом его историко-научных исследований следует признать *политический*. <...> этот подход является, прежде всего, проявлением *славянофильства*» [Куприянов 2018, с. 231].

Юбилей 1911 г.

Ламанский принял участие и в подготовке 200-летнего юбилея Ломоносова в 1911 г., хотя и менее заметное. Еще в 1903 г., после смерти академика М.И. Сухомятинова, Академия наук обратилась к нему с просьбой взять на себя подготовку последующих томов сочинений Ломоносова. Преклонный возраст не позволил ему активно включиться в работу, и в 1907 г. он привлек к редактированию сочинений Ломоносова своего ученика Г.М. Князева. Ламанский возобновил поиски неизвестных сочинений русского ученого, биографических материалов, вошел в состав Комиссии по присуждению Ломоносовских премий и др. (см.: [Куприянов, Малинов, 2020, с. 286–288]). Помимо Ламанского в юбилейную комиссию вошли С.Ф. Ольденбург (председатель), А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын, В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Ф.Н. Чернышев, Б.Н. Меншуткин, А.И. Вилькицкий, Г.М. Князев [Кулябко, 1962]. Комиссия вновь ходатайствовала об установке памятника Ломоносову между Академией наук и университетом. Готовясь к юбилею, Ламанский писал И.В. Ягичу, подчеркивая народное происхождение Ломоносова, в котором видел залог успешного творчества: «Наступающий двухсотлетний юбилей отца нашей словесности и науки Ломоносова вызовет много свежих и здоровых сил. По всей России будут в храмах божьих панихиды и речи о великом нашем крестьянине архангельском. На его родине не было помещиков, дворян, все крестьяне были свободные»⁶⁶. В эти годы Владимир Иванович, вероятно, часто размышлял о Ломоносове, обращался к его жизнеописанию. В архиве, например, сохранилась визитная карточка, на которой он писал А.А. Шахматову,

⁶³ Там же. С. 17.

⁶⁴ Там же. С. 20–21.

⁶⁵ Там же. С. 35, 37.

⁶⁶ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 8 об.

что обнаружил ошибку в своих сведениях о дате рождения Ломоносова: 8 ноября, а не 10 декабря 1711 г.⁶⁷ Срочность сообщения только подчеркивает важность для Ламанского этого уточнения. К сожалению, ему уже не хватило сил подвести итог своим исследованиям биографии и творчества Ломоносова.

* * *

Обращение Ламанского к биографии и творчеству Ломоносова стимулировалось юбилеями: 1861, 1865, 1911 гг. Материалы о русском ученом он начал собирать вскоре после окончания университета, когда служил в Публичной библиотеке и Государственном архиве. Публикации Ламанского 1863 и 1865 гг. во многом заложили основы отечественного ломоносоведения. Две длительные заграничные командировки (1862–1864, 1868–1869) и начало преподавания в Петербургском университете (1865) прервали работу Ламанского над биографией русского ученого. Впоследствии, перейдя на службу в Академию наук, он продолжил свои занятия русской историей XVIII в. и Ломоносовым, но это уже не вылилось в крупные исследования. Отчасти труд Ламанского продолжили его ученики. Например, его первый по времени и один из наиболее близких к нему идеологически учеников А.С. Будилович (см.: [Краснова, 2019]) опубликовал две монографии о Ломоносове: «Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности» (1869) и «Ломоносов как писатель. Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова» (1871), а Г.М. Князев продолжил подготовку к изданию сочинений ученого.

Позднейшие исследователи обращали внимание на критику Ламанским «немецкого элемента» в Академии наук, нередко сводя к этому все содержание его работ о Ломоносове и не замечая, что эта критика была всего лишь частным случаем его цивилизационной концепции. Противостояние греко-славянского и романо-германского миров, полагал Ламанский, на протяжении двух тысяч лет определяет историю европейского человечества (см.: [Куприянов, 2016]). Это противоборство затрагивает различные уровни: политический, культурный, религиозный. Одним из ее проявлений служит борьба за русификацию науки, в частности, Академии наук в России. Надо признать, что далеко не вся критика Ламанским Академии наук была справедлива, но она сыграла свою роль в реформировании отечественной науки.

Ламанский стоял у истоков формирования мифа о Ломоносове как о национальном культурном герое, создающем наравне с Петром I новую Россию. Как справедливо замечает В.А. Куприянов, «Ламанский рассматривает Ломоносова в качестве гения национальной культуры и представителя русского национального начала в науке» [Куприянов, 2018, с. 230]. И если первый российский император был олицетворением Государства, то Ломоносов воплощал творческую силу Земли (общества). В славянофильских координатах восприятия русской истории Ломоносов осознавался как выходец из крестьян, мужицкое происхождение которого гарантировало его связь с народом как созидательной силой. Еще в ходе юбилейных мероприятий 1861 г. Ламанский высказал предложение об установке памятника Ломоносову, которое было реализовано значительно позже, только в 1986 г. Во время торжеств 1865 г. он выдвинул проект Ломоносовского капитала для финансирования научных исследований в России, который был продолжением его проекта создания

⁶⁷ Там же. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812. Л. 13.

сети альтернативных Академии наук научных обществ в стране — «Общества распространения знаний» или «вольной Академии», сформулированный в ранней программной статье «О распространении знаний в России», опубликованный в 1857 г. в журнале «Современник» (см.: [Куприянов, Малинов, 2020, с. 192–194, 279–280]).

Заветной мыслью Ламанского, проходящей через все его творчество, было отстаивание русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка всех славян. Ломоносов же, как не раз писал Ламанский, стоял у истоков формирования современного русского литературного языка, что делало его ключевой фигурой во всей славянской образованности.

Источники

Аксаков И.С. По случаю юбилея Ломоносова // День. 1865. 17 апреля. № 16. С. 361–364.

Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 555 с.

Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб.: В тип. А.А. Краевского, [1863]. 102 с.

Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его. 1765–1865 года, апреля 4 дня. М.: В универс. тип., 1865. 156 с.

Ламанский В.И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апр. 1865. СПб.: В тип. Куколь-Яснопольского, 1865. 64 с.

Мельников П.И. Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. 48 с.

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1955. 652 с.

Русская литература // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXVII. Июль. С. 25–78, без подписи.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75, 77, 78. СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812.

Литература

Безлепкин Н.И. Славянофильское учение о языке и немецкая наука и философия // Философский полилог. 2023. № 1. С. 37–50. DOI: 10.31119/phlog.2023.1.188.

Берков П.Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Вып. II. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 216–247.

Греков В. Язык народа и язык истории в интерпретации М.В. Ломоносова и славянофилов // Меди@льманах. 2011. № 4 (45). С. 28–37.

Илизаров С.С. Московский акцент. Г.Ф. Миллер и Москва XVIII века. М.: Куликово поле, 2021. 496 с.

Краснова А.А. Славянская идентичность в контексте ментальной географии у А.С. Будиловича // Философский полилог. 2019. № 1. С. 67–80.

Кулябко Е.С. Ломоносовский юбилей 1911 г. // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 300–312.

Куприянов В.А. Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского // Вече. 2018. № 30. С. 223–240.

Куприянов В.А. Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28. С. 215–222.

Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.

Куприянов В.А., Смагина Г.И. Основание и первые десятилетия деятельности Санкт-Петербургской Академии наук в трудах российских и зарубежных историков науки. Часть 1 // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 3. С. 159–182.

Малинов А.В. Славянофильские зеркала (критика В.И. Ламанским восприятия России и славянства в немецкой науке) // Диалог со временем. 2022. № 4. С. 80–95. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.80.80.003.

Смирнов В.Н. Метафора органического в славянофильстве // Философский полилог. 2023. № 1. С. 23–35. DOI: 10.31119/phlog.2023.1.187.

“As an Academician, He Should Be an Example to All”: V.I. Lamansky’s Studies on M.V. Lomonosov

ALEXEY V. MALINOV

Saint Petersburg State University,
National Research University “Higher School of Economics”,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

The article deals with the studies of the Slavist Vladimir Ivanovich Lamansky devoted to the biography of Mikhail Vasilyevich Lomonosov. It is noted that Lamansky’s works on Lomonosov were timed, first of all, to the jubilees of the scientist (1861, 1865, 1911). In total, he published three monographic studies on Lomonosov, including a large number of rare archival documents. Lamansky’s works on Lomonosov were the main part of his historical and scientific research and studies on the history of the Russian eighteenth century. Lamansky’s approach is interesting in that it largely shapes the myth of Lomonosov as a national cultural hero who, along with the first Russian emperor Peter the Great, created a new Russia, which still defines the perception of the Russian scientist. It is pointed out that contemporaries and subsequent historiography paid particular attention to Lamansky’s criticism of German domination of the Academy of Sciences. The works on Lomonosov were a fragment of the struggle for the Russification of national science, in particular the Academy of Sciences in St. Petersburg. For Lamansky himself, however, the criticism of the German element in the Academy of Sciences was only part of his civilizational conception of the confrontation between two worlds: the Greek-Slavic and the Germanic-Roman. The premise of Lamansky’s interpretation of Lomonosov was the Slavophile division of the Earth (society) and the State, in which the Russian scientist acted as a representative of society, its creative potential, and as an example of national genius. Lamansky’s studies of Lomonosov were overshadowed by later detailed works, but they, especially the archival part, have not lost their scientific value.

Keywords: M.V. Lomonosov, V.I. Lamansky, Slavophilism, Academy of Sciences, Greek-Slavic world, Germanic-Roman world, russification of science.

Acknowledgment

The research was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University “Higher School of Economics” in 2024.

References

- Aksakov, I.S. (1865). Po sluchayu yubileya Lomonosova [On the occasion of Lomonosov's anniversary], *Den'*, no. 16, 361–364 (in Russian).
- Barsukov, N. (1904). *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. Kniga XVIII* [Life and labours of M.P. Pogodin. Book XVIII], S.-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha (in Russian).
- Bezlepkin, N.I. (2023). Slavyanofil'skoye ucheniye o yazyke i nemetskaya nauka i filosofiya [The Slavophile doctrine of language and German science and philosophy], *Filosofskiy polilog*, no. 1, 37–50 (in Russian). DOI: 10.31119/phlog.2023.1.188.
- Berkov, P.N. (1946). Lomonosovskiy yubiley 1865 g. (stranitsa iz istorii obshhestvennoy bor'by shestidesyatykh godov [Lomonosov's jubilee of 1865 (page from the history of the public struggle of the sixties)], in *Lomonosov: Sbornik statey i materialov* [Lomonosov: Collection of articles and materials], vyp. II (pp. 216–247), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Grekov, V. (2011). Yazyk naroda i yazyk istorii v interpretatsii M.V. Lomonosova i slavyanofilov [The language of the people and the language of history in the interpretation of M.V. Lomonosov and Slavophiles], *Medi@l'manakh*, no. 4 (45), 28–37 (in Russian).
- Iizarov, S.S. (2021). *Moskovskiy aktsent. G.F. Miller i Moskva XVIII veka* [Moscow accent. G.F. Miller and Moscow of the XVIII century], Moskva: Kulikovo pole (in Russian).
- Krasnova, A.A. (2019). Slavyanskaya identichnost' v kontekste mental'noy geografii u A.S. Budilovicha [Slavic identity in the context of mental geography in A.S. Budilovich], *Filosofskiy polilog*, no. 1, 67–80 (in Russian).
- Kulyabko, E.S. (1962). Lomonosovskiy yubiley 1911 g. [Lomonosov's jubilee of 1911], in *Literaturnoye tvorchestvo M.V. Lomonosova. Issledovaniya i materialy* [Literary creativity of M.V. Lomonosov. Studies and materials] (pp. 300–312), Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Kupriyanov, V.A. (2018). Lomonosovedeniye v tvorchestve V.I. Lamanskogo [Lomonosov studies in the work of V.I. Lamansky], *Veche*, no. 30, 223–240 (in Russian).
- Kupriyanov, V.A. (2016). Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V.I. Lamanskogo [The structure of Europe in the philosophical and historical doctrine of V.I. Lamansky], *Veche*, no. 28, 215–222 (in Russian).
- Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. (2020). *Akademik V.I. Lamanskij. Materialy k biografii i nauchnoy deyatel'nosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials to biography and scientific activity], S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).
- Kupriyanov, V.A., Smagina, G.I. (2021). Osnovaniye i pervyye desyatiletiya deyatel'nosti Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk v trudakh rossiyskikh i zarubezhnykh istorikov nauki. Chast' 1 [Founding and the first decades of activity of the St. Petersburg Academy of Sciences in the works of Russian and foreign historians of science. Part 1], *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 3 (3), 159–182 (in Russian).
- Lamanskij, V.I. (1865a). *Lomonosov i Peterburgskaya akademiya nauk. Materialy k stoletney pamyati ego. 1765–1865 goda, aprelya 4 dnya* [Lomonosov and the Petersburg Academy of Sciences. Materials for the centenary of his memory. 1765–1865 years, April, 4], Moskva: V Univers. tip. (in Russian).
- Lamanskij, V.I. (1863). *Mikhail Vasil'yevich Lomonosov. Biograficheskij ocherk. Pervyye chetyre glavy* [Mikhail Vasilyevich Lomonosov. Biographical sketch. The first four chapters], S.-Peterburg: V tip. A.A. Kraevskogo (in Russian).
- Lamanskij, V.I. (1865b). *Stoletnyaya pamyat' Mikhailu Vasil'yevichu Lomonosovu. 4 aprelya 1865* [Centennial memory to Mikhail Vasilyevich Lomonosov. April 4, 1865], S.-Peterburg: V tip. Kukol'-Yasnopol'skogo (in Russian).
- Malinov, A.V. (2022). Slavyanofil'skiye zerkala (kritika V.I. Lamanskim vospriyatiya Rossii i slavyanstva v nemetskoj nauke) [Slavophile mirrors (V.I. Lamansky's criticism of the perception of Russia and Slavs in German science)], *Dialog so vremenem*, no. 4, 80–95 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2022.80.80.003.

Mel'nikov, P.I. (1865). *Opisaniye prazdnestva, byvshego v S.-Peterburge 6–9 aprelya 1865 g. po sluchayu stoletnego yubileya Lomonosova* [Description of the festivities that took place in St. Petersburg on April 6–9, 1865 on the occasion of Lomonosov's centenary], S.-Peterburg: Tip. t-va "Obshhestvennaya pol'za" (in Russian).

Nikitenko, A.V. (1955). *Dnevnik: V 3 t.* [Diary: In 3 vols], t. 2, Moskva: GIKhL (in Russian).

Russkaya (1861) literatura [Russian literature], *Otechestvennyye zapiski*, 137 (7), 25–78 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN (SPbF ARAN) [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 35, op. 1, ed. khr. 75, 77, 78 (in Russian).

SPbF ARAN, f. 134, op. 3, ed. khr. 812 (in Russian).

Smirnov, V.N. (2023). Metafora organicheskogo v slavyanofil'stve [Metaphor of the organic in Slavophilism], *Filosofskiy polilog*, no. 1, 23–35 (in Russian). DOI: 10.31119/phlog.2023.1.187.